

Проблемы преподавания языка

Problems of Language Education

О.Д. Антошина (Тверской государственный университет)

O.D. Antoshina (Tver state University)

**«Разговор о деревьях» на уроке немецкого языка на материале
избранных поэтических произведений (Иностранный язык —
литература — общество — экология)**

**“A conversation about trees” at a German lesson: a case study of selected works of
poetry (A foreign language — literature — society — ecology)**

Аннотация

В статье предлагаются методы и приемы использования избранных поэтических произведений в практике преподавания немецкого языка как иностранного, теории и истории литературы для германистов. Рассматривается важный лингвокультурный код (или концепт) в немецкоязычном пространстве после 1945 г.: «разговор о деревьях», который носителями российской культуры не может быть расшифрован интуитивно, а значит, представляет особенный интерес для успеха межкультурной коммуникации. Прослеживается возникновение тематического жанра экологической поэзии, что представляется актуальным в «год экологии» — 2017-й.

This article offers methods and techniques of using selected poetic works in the practice of teaching German as a foreign language, as well as theory and history of literature for germanists. Considered is an important linguistic and cultural code (or concept) in the post-1945 German-speaking space 1945, namely “a conversation about trees”, which does not appear intuitively decipherable to non-native German speakers belonging to Russian culture and, therefore, is of special interest for the success of cross-cultural communication. Emergence of a thematic

genre of ecological poetry is traced, which seems relevant to 2017 as the Year of Ecology in Russia.

Ключевые слова

Лингвокультурная компетентность, лингвокультурный концепт «разговор о деревьях», мотив дерева в немецкой поэзии, экологическая поэзия, методика преподавания немецкого языка как иностранного

Linguocultural competence, linguocultural concept «a conversation about trees», motive of a tree in the German poetry, ecological poetry, teaching German as a foreign language

Под именем языка мы преподаем культуру!

А. А. Леонтьев

Важным импульсом в послевоенной немецкоязычной поэзии (в особенности на территории ГДР) явилось изречение Бертольта Брехта (1898—1956) о том, что «разговор о деревьях» более не разрешается, поскольку он включает в себя молчание о большом количестве «злодеяний». Имеется в виду стихотворение «К потомкам» («An die Nachgeborenen»), написанное Брехтом в эмиграции между 1934 и 1938 гг. Строки 6—8 включают знаменитую цитату, на которую ссылались потом многие поэты, литературоведы и искусствоведы:

Was sind das für Zeiten, wo

Ein Gespräch über Bäume fast ein Verbrechen ist

Weil es ein Schweigen über so viele Untaten einschließt!

[1, 182]

Что это за времена, когда

Разговор о деревьях — почти преступление,

Потому что в нем умалчивается о стольких злодеяниях!

(Перевод С. Городецкого [там же, с. 183])

Для Брехта «простодушное слово» стало «сродни глупости» («Das arglose Wort ist

töricht» [Там же, 182]): поэзия после Освенцима перестала быть невинной, она не имела больше этического права не замечать окружающего мира. Поэзия вынуждена была искать новые темы и новый язык, этически приемлемые в современном мире. Брехт высказывался против тех поэтов, которые продолжали писать в традиционных тематических формах, например, стихи о природе, и при этом молчали о преступлениях фашизма. Его изречение означало, что искусство не имеет права молчать о преступлениях современности; оно должно повернуться к насущным проблемам, а не убегать от реальности; оно должно быть полезным для людей настоящего времени и ставить себя на службу обществу. Наряду с *неразделимостью этического и эстетического*, для такой позиции характерно *прагматическое понимание поэзии и ее целевая детерминированность*, т.е. поэзия существует за чем-то и для чего-то. Помимо этого, изречение Брехта запрещает *природную лирику* как «форму эскапизма» [23, 486], побега от социальных проблем действительности.

В современной немецкой поэзии уже в образе дерева как основного предмета стихотворения посылает свои сигналы социальный подтекст. Ведь в лирике Германии «после Освенцима» любой стих о деревьях невозможно воспринимать как стих *только* о деревьях. Цитированные выше строки Брехта превратились в крылатые слова, по отношению к которым каждый немецкоязычный поэт вынужден занимать какую-то позицию, по-своему отвечать на вызов «нового классика». Стихотворение породило огромное число подражательных и ответных произведений. Этот контекст невозможно игнорировать, рассматривая современные стихи о деревьях на немецком языке.

Особенно большое влияние изречение Брехта оказало на «поэтов-потомков» в бывшей ГДР, для которых авторитет Брехта был очень велик. Периоду строительства социализма был свойственен оптимистический рационализм, который распространялся не только на вопросы искусства, но и на отношение к самой природе, что выражалось в догме о «полезности», утилитарности природы. В 40—50-е гг. изменение природы человеком воспринималось крайне положительно — как прогресс, который ставит природу на службу человеку. Именно измененная человеком, полезная природа воспевалась в то время поэтами ГДР как действительно красивая (Иоганнес Бехер, Бертольт Брехт, Фоль-

кер Браун). Такое видение пропагандировалось официальной культурной политикой, но на тот момент оно соответствовало и пониманию большинства людей. Отношение к природе стало изменяться в 60-е гг. XX в. Поэты среднего поколения ГДР — такие, как Райнер Кунце, Вульф Кирстен, Гюнтер Кунерт, Хайнц Чеховски, первыми стали осуждать разрушение природы, которым сопровождался переход на плановое хозяйство, и исчезновение природных ландшафтов под огромными посевными полями и промышленными зонами. В результате отказа поэтов воспевать «полезные» изменения и силу социалистического преобразования, их стихи воспринимались как политические, подрывающие государственную систему.

В ФРГ с «поколения-68» началось экологическое движение, была образована партия «зеленых», поэты начали писать стихи на экологические темы, и появился новый тематический вид: «экологическая поэзия» (*Ökolyrik, Umweltlyrik*). При этом и в ФРГ, и в ГДР, и в объединенной Германии «экологическую поэзию» почти всегда можно отнести также к традиционно существовавшим тематическим видам как «природной поэзии» (*Naturlyrik*), так и «политической поэзии» (*Politische Lyrik*).

Мотивы леса и деревьев на протяжении эпох находили в поэзии самое распространенное применение. Но если деревья являются источниками образности (*Bildspender*) для метафорического переноса на человека или общество, глубоко укорененными в литературной традиции, то поэзия о природе как «экологическая поэзия» является новаторством XX века.

Обучающимся предлагается прочитать в шести тематических блоках несколько поэтических произведений и одно высказывание, написанные немецкими поэтами разных эпох, попытаться найти собственный подход к их интерпретации и ответить на вопросы после текстов.

Данный учебно-методический материал может быть интегрирован в общий курс истории зарубежной литературы, для этого не владеющим немецким языком предлагается работа с переводами.

I.

Friedrich Hölderlin

Die Eichbäume (1796)

*Aus den Gärten komm ich zu euch, ihr Söhne des Berges!
Aus den Gärten, da lebt die Natur geduldig und häuslich,
Pflegend und wieder gepflegt mit dem fleißigen Menschen zusammen.
Aber ihr, ihr Herrlichen! steht, wie ein Volk von Titanen
In der zahmeren Welt und gehört nur euch und dem Himmel,
Der euch nährt ' und erzog, und der Erde, die euch geboren.
Keiner von euch ist noch in die Schule der Menschen gegangen,
Und ihr drängt euch fröhlich und frei, aus der kräftigen Wurzel,
Unter einander herauf und ergreift, wie der Adler die Beute,
Mit gewaltigem Arme den Raum, und gegen die Wolken
Ist euch heiter und groß die sonnige Krone gerichtet.
Eine Welt ist jeder von euch, wie die Sterne des Himmels
Lebt ihr, jeder ein Gott, in freiem Bunde zusammen.
Könnt ich die Knechtschaft nur erdulden, ich neidete nimmer
Diesen Wald und schmiegte mich gern ans gesellige Leben.
Fesselte nur nicht mehr ans gesellige Leben das Herz mich,
Das von Liebe nicht läßt, wie gern würd ich unter euch wohnen!*

[7, 46—48]

Фридрих Гёльдерлин (Перевод Р. Минкус)

Дубы

К вам из садов я пришел, питомцы горной вершины,
К вам из садов, где природа живет, послушная людям,
Прежде взрастившая их и трудом их возвращенная ныне.
Только вы, могучие! Вы словно племя титанов,
В мире, давно прирученном, себе лишь подвластны и небу,
Небу, вспоившему вас, и земле, что вас породила.

И ни один из вас не бывал в ученье у смертных.
Гордые, вырвались вы из неволи корней разветвленных,
Будто добычу орел, охватив дерзновенно пространство
Мощным размахом ветвей, и темным тучам навстречу
Рады вы обратить озаренные солнцем вершины.
Каждый из вас — это мир, вы живете, как звезды на небе,
Каждый из вас словно бог, вы едины в содружестве вольном.
Если бы рабство я мог сносить, к тебе, о дубрава,
Зависти я б не питал и с людьми искал бы союза;
Если бы не был душой я прикован к союзу людскому
Стойкой силой любви, я охотно остался бы с вами.

[3]

Комментарий (ср. [13]): Гёльдерлин (1770—1843) написал это поэтическое произведение в 1796 году. В 1794—1795 гг. он жил в Йене, где ему посодействовал Фридрих Шиллер, опубликовав в своей газете ряд его произведений. В кружке Шиллера Гёльдерлин познакомился с Гёте и Новалисом. Однако он хоть и был замечен «князьями поэзии», но не был принят ими. По отношению к Шиллеру у него развился сложный комплекс, замешанный на восхищении, благодарности и стремлении быть признанным. В данном стихотворении Гёльдерлин объясняет свой побег из Йены и выход из кружка Шиллера, который в тексте метафорически назван «садами». Решение даётся ему очень тяжело, поэт «душой ... прикован к союзу» («Fesselte nur nicht ... das Herz mich»), однако отказывается сносить «рабство» («Knechtschaft»), боясь потерять, прежде всего, свою художественную свободу. В кружке Шиллера молодой поэт чувствовал себя как в «саду», а в присутствии кумира и вовсе «растением»: объясняя свое отдаление, в письме 1797 года Гёльдерлин написал Шиллеру: «Я перед Вами как растение, которое только что посадили в землю. В полдень его нужно прикрывать» («Ich bin vor Ihnen wie eine Pflanze, die man erst in den Boden gesetzt hat. Man muss sie zudecken um Mittag.» [6]). Стихотворение «Дубы» отражает внутренние муки поэта, разрывающегося между противоположными

устремлениями — к независимости и творческой свободе, с одной стороны, и общности с дорогими ему людьми, с другой. «Садам» поэт противопоставляет картину первозданной природы, дубравы, где каждое дерево — это «мир» и «бог»: свободный, независимый, самодостаточный, принадлежащий лишь себе индивидуум. В предисловии к переводу романа Ф. Гёльдерлина «Гиперион» Игорь Белавин написал: «свою отраду Гиперион находит только в природе, с социумом он не в ладах» [15]. Высказывание справедливо и в применении к трагической биографии Гёльдерлина. Стихотворение выдержано в элегическом тоне, лирический герой жалуется в том числе на неспособность человека быть абсолютно самодостаточным, потому что он привязан к обществу. Проблема сосуществования индивида и общества, а также формирующее воздействие общества на человека есть в любом социуме, правда, в разной форме.

II.

Bertolt Brecht

Erinnerung an die Marie A. (21.02.1920)

1

An jenem Tag im blauen Mond September

Still unter einem jungen Pflaumenbaum

Da hielt ich sie, die stille bleiche Liebe

In meinem Arm wie einen holden Traum.

Und über uns im schönen Sommerhimmel

War eine Wolke, die ich lange sah

Sie war sehr weiß und ungeheuer oben

Und als ich aufsah, war sie nimmer da.

2

Seit jenem Tag sind viele, viele Monde

Geschwommen still hinunter und vorbei

Die Pflaumenbäume sind wohl abgehauen

Und fragst du mich, was mit der Liebe sei?

*So sag ich dir: Ich kann mich nicht erinnern.
Und doch, gewiß, ich weiß schon, was du meinst
Doch ihr Gesicht, das weiß ich wirklich nimmer
Ich weiß nur mehr: Ich küßte es dereinst.*

3

*Und auch den Kuß, ich hätt ihn längst vergessen
Wenn nicht die Wolke da gewesen wär
Die weiß ich noch und werd ich immer wissen
Sie war sehr weiß und kam von oben her.
Die Pflaumenbäume blühn vielleicht noch immer
Und jene Frau hat jetzt vielleicht das siebte Kind
Doch jene Wolke blühte nur Minuten
Und als ich aufsah, schwand sie schon im Wind.*

[1, 60—63]

Бертольт Брехт (Перевод С. Городецкого)

Воспоминание о Мари А.

1

В тот день сентябрьский под луны сияньем,
Под сенью стройной сливы молодой,
Я с нею был, с любовью нежной,
Как с чистою и светлою мечтой.
Над нами на прекрасном летнем небе
Остановилось облако, оно
Так было белоснежно, высоко...
Взглянул я — след пропал его давно.

2

И с той поры минуло лун немало,
Они проплыли тихо мимо нас,

Те сливы, вероятно, уж срубили,
Ты спросишь, а что стало с ней сейчас?
Скажу я так: уже не помню точно,
Хотя, конечно, прав ты, как всегда,
Но нет, лица уже мне не припомнить,
А помню лишь: был поцелуй тогда.

3

И поцелуй давно бы позабыл я,
Когда бы облако не проплыло,
Его я помню и едва ль забуду —
Так было все вверху белым-бело.
Те сливы, может, и цветут поныне,
У дамы той полным-полно детей,
А облако жило одно мгновенье...
Взглянул я — не собрать его частей.

[Там же]

Комментарий: Сливовое дерево в поэтике Брехта — эротический символ, спелая слива — метафора женских половых губ [21, 38], ср., например, отрывок песни «Pflaumenlied» из комедии «Herr Puntila und sein Knecht Matti» («Господин Пунтила и его слуга Матти»):

*Als wir warn beim Pflaumenpflücken
legte er sich in das Gras
Blond sein Bart, und auf dem Rücken
Sah er zu, sah die und das.*

[4, 192]

А когда мы рвали сливы,
Примостясь в траву спиной,
Любовался тем да этим

Кверху рыжей бородой.

(Перевод О.Д. Антошиной)

Ср. перевод Р. Райт-Ковалевой, С. Болотина и Т. Сикорской: «И, пока мы сливы рвали, / Он, валяясь на траве, / Любовался, — но едва ли / Облаками в синеве...» [2].

Символика полового акта проявлялась еще отчетливее в первоначальной версии, сохранившейся в записной книжке Брехта, где повторяющаяся фраза «Und als ich auf sah ...» (дословно: 'А когда я взглянул вверх...', в поэтическом переводе: «Взглянул я — ...») звучала как «Und als ich auf stand...» («А когда я поднялся...») [22, 35]. Первоначальное название «Сентиментальная песня №1004» отсылает к «Дон Жуану» Моцарта: там главный герой покорил 1003 женщины [1, 400].

Помимо эротической символики, сливовое дерево в этом стихотворении ассоциируется с жизненной силой, с размножением («das siebte Kind» — 'семь детей') и, следовательно, с продолжающейся жизнью, несмотря на утраты. Чувства, как облако, могут исчезнуть, а сама жизнь, люди, как и деревья, — остаются.

III.

Reiner Kunze

Der hochwald erzieht seine bäume (1962)

Sie des lichtes entwöhnend, zwingt er sie,

all ihr grün in die kronen zu schicken

Die fähigkeit,

mit allen zweigen zu atmen,

das talent,

äste zu haben nur so aus freude,

verkümmern

Den regen siebt er, vorbeugend

der leidenschaft des durstes

Er läßt die bäume größer werden

wipfel an wipfel:

Keiner sieht mehr als der andere,

dem wind sagen alle das gleiche

*Holz*¹

[9, 9]

Райнер Кунце (Перевод О.Д. Антошиной)

Строевой лес воспитывает свои деревья

Их от света отучая, понуждает их

зелень всю в вершины посылать

Способность,

всеми дышать ветвями,

талант,

ветки растить просто от радости,

иссякает

Дождь он просеивает, предотвращая

страсть жажды

Он велит деревьям расти

к вершине вершина:

Никто не видит больше других,

ветру говорят все одно

Древесина

Комментарий: Стихотворение Кунце (1933 г.р.) отделяет от цитированного выше произведения Гёльдерлина отрезок времени в 166 лет, однако эти поэтические произведения очень схожи в использовании метафоры дерева. У Кунце противопоставление

¹ Последняя строка «*Holz*» («Древесина») имеется в первых изданиях сборника «*Sensible Wege*» («Восприимчивые пути»), до 1969 года. В последующих изданиях автор ее вычеркнул. В остальном текст соответствует репринту в указанном источнике.

образов «дерева» (*baum*) и «древесины» (*holz*) создаёт контраст между «деревом» как идеалом человеческой свободы и «древесиной», утилитарным материалом, полезной массой для потребления и утилизации. Противопоставление «дерева» и «строевого леса» (*hochwald*) отображает основной конфликт жизни в ГДР: конфликт между индивидом и обществом, художественной свободой и культурной политикой, поэзией и политикой. Не только семантическое наполнение образа «дерева» похоже у Кунце и у Гёльдерлина, но и повод, по которому образ явился в жизнь: защита индивидуальной художественной свободы [ср. 13].

«Дерево» в поэтике Кунце занимает особое место — это ключевое слово (см. [12, 494]). Другие предметы природного мира — такие, как камень, почва и проч., у него менее частотны, но и они тоже всегда «обобществляются» [20, 114].

IV.

Günter Kunert

Luther und der Baum (1985)

Von Sintflut hat man gelesen:

Derlei wiederholt sich kaum.

Gewesen ist eben gewesen:

Luther pflanzt einen Baum.

Und rinnen die deutschen Flüsse

dahin als giftiger Schaum,

weißt du, was man tun müsse —

Luther pflanzt seinen Baum

Und empfiehlt noch, Kinder zu machen,

gebrich's der Welt an Raum

für all die Armen und Schwachen:

er pflanzt mit Fleiß seinen Baum.

*Und wäre wie Auschwitz die Erde,
er fände den friedlichen Saum
jenseits von Leid und Beschwerde
für sich und für seinen Baum.*

[8, 52]

Гюнтер Кунерт (Перевод О.Д. Антошиной)

Лютер и росток

Мы все о потопах читали:

Прошел смертоносный поток.

Что было — вернется едва ли:

Лютер сажает росток.

Текут немецкие реки

вдаль как отравленный сток,

знаешь, что надо делать —

Лютер сажает росток

И советует делать потомство,

пускай места в мире не впрок

для слабых и нищих с упорством:

Лютер сажает росток.

А стала б Земля как Освенцим,

он мира найдет уголок

за гранью страданий и смерти,

чтобы сажать свой росток.

Комментарий: Мартину Лютеру приписывается изречение: «Если бы я знал, что завтра мир погибнет, я бы еще сегодня посадил яблоневое деревце!» («Wenn ich wüsste, dass morgen die Welt unterginge, würde ich heute noch ein Apfelbäumchen pflanzen!» [10]).

Дерево (в поэтическом переводе — «росток») в стихотворении Кунерта (1929 г.р.) символизирует учение Мартина Лютера. Лютер представляется далеким от реальности идеологом, предлагающим рецепт для жизни «за гранью страданий и смерти» («jenseits von Leid und Beschwerde»). Постоянно повторяющееся словосочетание «seinen Baum» (дословный перевод ‘свое дерево’, в поэтическом переводе «росток») и концовка «für sich und für seinen Baum» (дословный перевод ‘для себя и своего дерева’, в поэтическом переводе «чтобы сажать свой росток») подводят к мысли, что само учение для его автора важнее, чем те, кому оно адресовано. Стихотворение Кунерта показывает, как самые гуманные идеи «для слабых и нищих» («für all die Armen und Schwachen») превращаются при этом в античеловечные. Наш современник Гюнтер Кунерт не доверяет никаким мыслительным системам, учениям и идеологиям. В рассмотренном поэтическом произведении он, скептик и глубокий пессимист, сводит счеты с Мартином Лютером и его учением. Как и в стихотворении Райнера Кунце, очевиден общественно-политический подтекст произведения (ср. [18, 79—80]).

V.

Hans Christoph Buch (1977)

Was ist geschehen?

Warum erscheint uns der Satz, daß ein

Gespräch über Bäume fast schon ein

Verbrechen ist, heute fast schon selbst

verbrecherisch?

Weil es nicht mehr sicher ist, ob es in

hundert Jahren überhaupt noch Bäume

geben wird.

[5]

Ганс Кристоф Бух (Перевод. О.Д. Антошиной)

Что произошло?

Почему предложение, что

разговор о деревьях — это почти
преступление, сегодня само — почти
преступно?
Потому что больше нет уверенности,
будут ли вообще через сто лет еще
деревья.

Jürgen Wolter

Regenspaziergang (1987)

Beim Spaziergang im Wald

Möchte ich den Schirm aufspannen

Alle Bäume drunter stellen

... dass sie nicht nass werden.

[11, 112]

Юрген Вольтер (Перевод О.Д. Антошиной)

Прогулка под дождем

Гуляя в лесу

Хочу раскрыть зонт

Взять под него все деревья

... чтобы они не намокли.

Комментарий: Строки Буха (1944 г.р.) прямо отвечают на высказывание Бертольта Брехта из стихотворения «К потомкам», требуя заменить его на противоположное.

Стихотворение Вольтера (1955 г.р.) подхватывает основную экологическую тему на протяжении 80-х — 90-х годов в Европе: кислотные дожди как причина вымирания лесов.

После тысячелетних упражнений в поэтизации деревьев поэты во второй половине XX века пришли к «дереву» как к «просто дереву». Вся сфера образности, накопленная тысячелетиями и стоящая за ним, присутствует как «пустое место», минус-

прием: дерево как «дерево само по себе» стало пронзительным образом перед лицом возможного исчезновения природы.

VI.

В заключение предлагается познакомиться с мнением Гюнтера Кунерта, высказанном в интервью 1991 года, о радикально изменившемся взгляде литераторов на природу начиная со второй половины XX века. Поэт нашел очень интересную диалектическую связь между разрушительными для жизни процессами в природе и в обществе:

Die irreversiblen Prozesse, die einschneidenden, die wirklich umstürzenden, weltumstürzenden Prozesse haben sich aus der Gesellschaft verlagert in die Natur. Wir haben sie verlagert aus der Gesellschaft in die Natur, sozusagen ausgegrenzt aus der Gesellschaft. Das heißt auch: wenn zur Zeit in Afrika Millionen hungern, viele Leute sterben, ist dies – mit einem häßlichen Wort gesagt – ein natürlicher Prozeß, das hat es immer gegeben, wenn auch nicht in diesen Dimensionen, Größenordnungen; aber die Umweltzerstörung, die zugleich damit synchron verläuft, verändert die Welt von Grund auf. [...] Und es kann tatsächlich der Fall sein, daß nach einem geheimen Gesetz, das wir alle nicht kennen, vielleicht glücklicherweise, eben in dem, was wir Natur nennen, der Umsturz stattfindet. Und wir sind dann die Könige, die enthauptet werden. Hier, in der Naturzerstörung, hat die Beschleunigung zugenommen, im Gegensatz zu meinem Stagnationsempfinden für Gesellschaften, wo sich trotz Mord und Totschlag immer dasselbe wiederholt. Es häufen sich ja immer mehr Katastrophen, global bedeutsame Katastrophen. Das ist auch etwas, was trostlos und traurig macht: Die Natur bietet, wenn man nicht ganz blind und blöd ist, dem Menschen und insbesondere dem Dichter, nicht mehr den Trost, den sie ja gegeben hat jahrhunderte-, wenn nicht jahrtausendlang. Dieses Aufgehobensein in der Natur auch wenn ich nicht mehr bin, die Bäume wachsen weiter, die Sonne scheint, Wolken ziehen, das geht alles weiter. Man konnte sich auch noch einreden, man komme als Regen oder Atom oder sonstwie wieder, oder wachse als Bäumchen aus der Asche heraus. Das ist vorbei. Das heißt: die Natur-

sicht verändert sich radikal, und es werden nie mehr diese schönen und wunderbaren Naturgedichte entstehen, wie sie noch Brecht geschrieben hat: Die „Erinnerung an die Marie A.“ ist unschreibbar geworden. [...]

Nein, eine Poetisierung der Natur geht nicht mehr. Ich kenne keinen Autor von Rang, dem das noch möglich wäre. Sarah Kirsch nimmt zwar all das noch auf, aber das Gespenst steht immer dahinter, alles ist durch eine schwarze Folie gesehen. Und auch wenn man mit den Leuten spricht, die nicht schreiben – dieses völlige Vergessen der Vorgänge dahinter ist gar nicht möglich; das Wissen um die Tragödie, die Katastrophe, ist, glaube ich, wenn auch nicht permanent bewußt, fast schon zu einem Stück mentalem Bestandteil geworden. Wenn man am Strand oder auf Spaziergängen Bekannte trifft, es kommt dann immer auf den Punkt: Es ist schön – aber es ist nicht so wie vor 20 Jahren. Der Blick, der in die Natur fällt, ist schon ein gebrochener Blick, und wird ja ein brechender sein [19]

Необратимые процессы, решающие по-настоящему радикальные, разрушительные для мира процессы переместились из общества в природу. Мы их переместили из общества в природу, так сказать, вынесли их за границы общества. В том числе это значит, что если сейчас в Африке голодают миллионы, умирает много людей, то это — выражаясь крайне некрасиво — естественный процесс, это было всегда, даже если не в таких масштабах, не в таких количествах; но разрушение окружающей среды, которое происходит синхронно в это же самое время, изменяет мир в корне... И действительно может случиться так, что по какому-то тайному закону, возможно, к счастью, не известному нам, как раз в том, что мы называем природой, происходит разрушительный переворот. И тогда мы станем обезглавленными королями. Здесь, в разрушении природы, усилилось ускорение, в отличие от моего ощущения стагнации в обществах, где несмотря на смерть и насилие все время повторяется одно и то же. Ведь накапливается все больше катастроф, глобально значимых катастроф. Вот еще что заставляет быть безутешным и

грустным: Природа, если не быть совсем глухим и слепым, больше не дает человеку и, в особенности, поэту того утешения, которое она всегда давала на протяжении столетий, если не тысячелетий. Эта сохранность в природе, даже когда меня больше нет, деревья растут как прежде, солнце светит, облака проплывают, все это продолжается. Можно было уговорить себя, что ты еще вернешься в виде дождя или атома или еще как-нибудь, или вырастешь деревцем из пепла. С этим покончено. А это значит: взгляд на природу изменяется радикально, и больше никогда не возникнут такие красивые и замечательные стихи о природе, какими их писал еще Брехт: «Воспоминание о Мари А.» больше невозможно написать...

Нет, поэтизация природы больше невозможна. Я не знаю ни одного значительного автора, для которого она была бы еще возможна. Хотя Сара Кирш к этому еще прибегает, но позади всегда присутствует угроза, все видится на черном фоне. И даже когда говоришь с людьми, которые не пишут, полностью забыть про скрытые процессы совсем невозможно; знание о трагедии, катастрофе, я думаю, даже если и не постоянно осознаваемо, стало практически уже составной частью ментальности. Когда встречаешь на побережье или на прогулках знакомых, всегда разговор доходит до момента: красиво, но не так, как 20 лет назад. Взгляд на природу уже сейчас – нарушенный взгляд, и он же будет разрушающим.

(Перевод О.Д. Антошиной)

Вопросы к поэтическим произведениям:

- 1) Поэтизируются ли каким-либо образом упоминаемые в произведениях деревья?
- 2) Какую функцию выполняют образы деревьев или леса, какие ассоциации они вызывают, источником метафорического переноса на какие сферы жизни они являются?

3) К какому тематическому виду можно отнести эти произведения: это лирика о природе в традиционном понимании, любовная поэзия, политическая поэзия или экологическая?

4) Почему возникла необходимость терминологически разграничить понятия «природная поэзия» (*Naturlyrik*) и «экологическая поэзия» (*Umweltlyrik*)?

5) Каким образом рассмотренные стихотворения и высказывание Г. Кунерта соотносятся с позицией Брехта из поэтического произведения «К потомкам»?

Вопросы к высказыванию Гюнтера Кунерта:

1) Сравнивая процессы в современном обществе и в природе, по отношению к какой из этих областей поэт говорит о стагнации, а к какой — об ускорении? Является ли это ускорение положительным или опасным явлением?

2) Как автор описывает традиционную роль природы для поэтов и писателей? Как происходит у него связь понятий: природа — Бог — бессмертие?

3) Что изменилось с точки зрения Кунерта в XX в. и возможна ли поэтизация природных явлений в современной литературе?

Понимание поэзии на изучаемом языке предполагает обретение и применение знаний не только из области лингвистики и литературы, но и из областей истории страны и общества изучаемого языка, культуры, философии. В процессе приближения к пониманию (интерпретации) поэтических произведений из множества предметных источников создается всегда не шаблонное, всегда метапредметное видение объекта. «Поэзия зачастую раньше других искусств реагирует на наиболее важные ситуации своего времени и позволяет находить слова для выражения экстремального опыта» [12, 746]. Поэтому стихи зачастую являются документами «альтернативной истории», представляя трактовку историко-политических событий, отличную от общепринятых источников (учебников по регионоведению, истории, СМИ).

По словам Н.В. Уфимцевой, «Межкультурное общение является патологическим (по Е.Ф. Тарасову), поскольку коммуниканты, как правило, располагают только общностью кода (т.е. языка) и не располагают общностью знаний, будучи носителями разных

культур» [17]. В литературе содержатся важнейшие культурные коды, художественные и лингвокультурные концепты (такие, как «разговор о деревьях»), рассмотрение которых позволяет повысить лингвокультурную компетентность изучающих иностранный язык.

Рефлексия в художественной речи относительно концепта «разговор о деревьях» в Германии после 1945 года является частью общей лингвокультурной ситуации и выполняет в ней несколько функций. Она повышает и отражает общественный интерес носителей языка к проблемам, связанным с этим концептом в задаваемом дискурсе — общественно-политическом, художественном, экологическом. В современном — преимущественно экологическом — дискурсе, связанном с «разговором о деревьях» сегодня, она отображает «запрос на обсуждение данной проблематики в публичной сфере для привлечения внимания» [14, 38] к окружающей среде. Она отражает также современный общественный запрос на выработку *этической* культуры художественной речи: «разговор о деревьях» был не возможен в Германии в 40—50-х гг. и стал обязательен с 70-х гг. XX в. именно по этическим причинам.

Сегодня тезис о том, что художественная речь является инструментом особого способа познания мира, выдвинутый В. Гумбольдтом и поддержанный А.А. Потебней, убедительно доказывается в работах по психолингвистике и когнитивной лингвистике. О.В. Евтушенко, например, анализируя когнитивные возможности художественной речи, пишет вообще о пересмотре отношения «к ней как преимущественно к источнику эстетического наслаждения» [16].

Поскольку в художественной речи когнитивным средством являются «комплексы метафор, складывающиеся в отдельном тексте и в совокупности диалогически связанных тестов» [там же], то сфера образности и ее эволюция, которой «обросло» в немецкой поэзии «дерево», в частности лингвокультурный концепт «разговор о деревьях», репрезентативны для когнитивного процесса, который привел к «экологическому сознанию» в современном немецком обществе, к довольно высокой «экологической культуре».

Таким образом, предлагаемый учебно-методический материал ориентирован на включение немецкоязычной поэзии в курс немецкого языка как иностранного и преследует три основные цели:

- 1) органичное осуществление метапредметного подхода в преподавании;
- 2) повышение лингвокультурной компетентности изучающих иностранный язык;
- 3) привлечение внимания к проблематике окружающей среды и приобщение к немецкой «экологической культуре».

Источники

1. Брехт Б. Сто стихотворений. Bertolt Brecht: Hundert Gedichte / Составитель Унзельд З., перевод и комментарии Городецкой С. М.;, 2010.
2. Брехт Б. Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания. В пяти томах. Т. 3 // http://lib.ru/INPROZ/BREHT/breht3_4.txt.
3. Гёльдерлин Ф. Дубы. Перевод с нем. Минкус Р. // <http://www.vekperevoda.com/1900/minkus.htm>.
4. Brecht B. Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe. Band 15. Berlin, Frankfurt am Main, 1988—2000.
5. Buch H. C. (Hrsg.) Tintenfisch 12. Thema: Natur. Oder: Warum ein Gespräch über Bäume heute kein Verbrechen mehr ist. Berlin (Wagenbach), 1977.
6. Hölderlin F. Der Tod des Empedokles, Aufsätze / Text und Erläuterungen. Große Stuttgarter Ausgabe. Bd. 4, Hälfte 1. Stuttgart: Kohlhammer Cotta, 1961.
7. Hölderlin F. Jambische und hexametrische Formen. Sämtliche Werke. Frankfurter Ausgabe. Band 3. / Hrsg. Sattler D.E. und Groddeck W. Frankfurt a.M.: Roter Stern, 1977.
8. Kunert G. Gedichte / Hrsg. Görtz, Wittstock. Stuttgart, 1987.
9. Kunze R. Sensible Wege. Achtundvierzig Gedichte und ein Zyklus / Hrsg. Manthey J. Hamburg, 1976.
10. Um Lütther: Lütther und die Bäume // <http://www.luther.de/legenden/baeume.html>.

11. Viel Zeit ist nicht mehr: Geschichten u. Gedichte / Hrsg. Westfäl. Literaturbüro in Unna e.V. Brackwede bei Bielefeld, 1987.

Литература

12. Азарова Н.М., Корчагин К.М., Кузьмин Д.В. Поэзия: учебник. М., 2016.
13. Антошина О.Д. Свобода, социум, природа у Фридриха Гёльдерлина и Райнера Кунце // Романтизм: грани и судьбы: Ученые записки НОЦ КИПР. Вып. 12. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016.
14. Бабенко Н.С. Языковая рефлексия как феномен современной немецкой лингвокультуры // Вопросы психолингвистики, № 2 (24), 2015.
15. Белавин И. Предисловие к переводу «Гипериона» // Журнал «Новая Юность» № 6 (117), 2013 // http://magazines.russ.ru/nov_yun/2013/6/5g.html.
16. Евтушенко О.В. Эволюция концептов в художественной речи как отражение ее когнитивного потенциала. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2011.
17. Уфимцева Н.В. Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии // Филология и культура. No 2(28). Казань, 2012 // <http://www.philology.ru/linguistics1/ufimtseva-12.htm>.
18. Antoschina O. Kritische Lyrik der DDR mit einem vergleichenden Ausblick auf Sowjetrussland. Reihe Bochumer Germanistik, Band 9. Berlin, Bochum, London, Paris: Europ. Univ.-Verl., 2007.
19. Durzak M., H. Steinecke (Hrsg.). Günter Kunert. Beiträge zu seinem Werk. Carl Hanser Verlag, 1992 // <http://www.planetlyrik.de/gunter-kunert-fremd-daheim/2014/04/>.
20. Jäger M. Offensive Verteidigung der Poesie // Hrsg. Wallmann J.P. Reiner Kunze. Materialien und Dokumente. Frankfurt am Main, 1977.
21. Kebir S. Ein akzeptabler Mann? Brecht und die Frauen. Auflage 4. Berlin: Aufbau TB, 2002.
22. Knopf J. Brecht-Handbuch, Lyrik, Prosa, Schriften. Stuttgart, 1986.
23. Woesler W. Naturlyrik auf dem Gebiet der DDR, vor und nach der Wende. // Studia Niemcoznawsze, tom XXVI. Warszawa, 2003.